

П. ЛОСЕВ

Право на молодость

К пятидесятилетию юбилею артистки театра им. Волкова — М. Н. МАРИНОЙ

— Не в тот ты семафор пошел, Платоша... Был бы ты машинистом и твоя жизнь шла бы, как линия — спокойно!

Так говорит Мария Тарасовна — мать хирурга Кречета, одна из героинь замечательной пьесы «Платон Кречет», с огромным успехом идущей в театре им. Ф. Г. Волкова.

Роль матери ведет семидесятилетняя артистка Мария Николаевна Марина. Она играет незабываемо. Ни одного фальшивого жеста, ни одной искусственно произнесенной фразы. Глядя на ее игру, забываешь все театральные условности. Кажется, что Мария Николаевна живет на сцене своей жизнью, — не той, которая выросла по воле писателя, а именно — своей, всамделишной жизнью.

Образ матери Кречета близок Марии Николаевне во всех отношениях: и потому, что старая артистка сама по душевному складу искренний, отзывчивый человек, и потому, что она родилась и выросла в семье рабочего.

Отец Мариной даже и не мечтал видеть свою дочь актрисой. Узнав, что у дочери есть желание пойти на сцену, он твердо сказал:

— Не будет этого. Надо хлеб трудом зарабатывать, а не кривлянием.

Но Мария Николаевна, вопреки воле отца, так же, как и Платон Кречет, — «не в тот семафор пошла». Она сделалась артисткой.

Произошло это потому, что в доме, где жила семья Мариных, ютились артист балета Стуколкин и его жена

артистка драмы Стрельская. Они, готовя к артистической деятельности свою дочь, попутно занимались и с потругой дочери — Маней Мариной. Девочек брали в театр, на спектакли, где они знакомились со всей закулисной жизнью.

О первом своем появлении на сцене Мария Николаевна рассказывает так:

— Однажды перед началом спектакля Стуколкин свел нас за кулисы, поставил в щелочке и сказал:

«Стойте здесь, смотрите и не двигайтесь». Его дочь стояла впереди меня и из-за нее мне ничего не было видно. Я оглянулась по сторонам и увидела какой-то большой ящик, перед которым стояли перильцы. Ухватившись за них, я забралась на ящик и передо мной вся сцена была, как на ладони. В это время дали занавес. Из задних кулис вышел кордебалет. Раздался страшный треск и ящик, вместе со мной, стал поворачиваться на сцене. Я не знала куда мне деться. Несмотря на то, что было очень высоко, обятая страхом, я прыгнула на сцену и начала метаться по ней, как мышь в клетке. В зале раздался страшный хохот. Кое-как через всю сцену я убежала за кулисы, где меня схватили и спрятали под сцену. После этого немедленно явился полицеймейстер и поднял крик: «Чья девчонка? Что за безобразие!» Но Стуколкин, все-таки, никто не выдавал. А я сидела весь спектакль под сценой и даже заснула там. Вернувшись домой, Стуколкин сказал мое-

му отцу: «Ну, хочешь не хочешь, а твоя дочь будет на сцене. Сегодня она уже появлялась перед публикой. Это — предзнаменование» — А было мне тогда 10 лет.

Когда же Марии Николаевне исполнилось шестнадцать лет, она, обладавшая хорошим голосом, стала выступать в водевилях, ставившихся в петербургском летнем театре. К этому ее принуждала страшная нужда, царившая в доме. Отец умер. Старший брат поступил работать на завод. Приносил оттуда гроши.

Молодая, неопытная артистка тоже зарабатывала немного. Вся семья жила впроголодь. Нередко бывали дни, когда «водевильная певица» Марина с'едала за день только небольшой кусок хлеба с маслом. Горьчее считалось за счастье.

Семнадцати лет Мария Николаевна отправилась с труппой в провинцию. Она попала на сезон в захламленный и грязный городишко Вытегру. Глушь в нем была, как в лесу. Даже днем по главным улицам бегали волки. А ночью нельзя было и на улицу показываться.

Труппа выступала в местном купеческом клубе. Постоянными зрителями и «ценителями искусств» были заядлые городские пьяницы и картежники — прогоревшие мелкие дворяне и купцы во главе с забулдыгой, сыном городского головы.

После одного из спектаклей, встретив молодую артистку у клубного буфета, сын головы потребовал, чтобы она его поцеловала, при всех. Он схватил ее за руки и, вытащив на середину комнаты, пьяно кричал:

— Целуй! Требую.

Пьяные собутыльники дружно жали. А девушка вначале растерявшись, припала в себя и оглушительно ударила пьяного «сынка» по лицу.

Это был вызывающий случай. На другой день, узнав о «бесчестии своего отпрыска», голова потребовал высылки артистки из города.

Семь лет ездила Марина по уездным и губернским городам России, прихавленной кровавым салогом Александра третьего. Играла Мария Николаевна и с знаменитым Варламовым и с Комиссаржевской. Была во Владивостоке, в Китае.

— И всюду ко мне, как и ко всем молодым артисткам, приставали богачи с ласковыми ухаживаниями, — говорит она.

А когда «ухаживателям» давали отпор, они приходили к антрепренеру с требованием: «Надо убрать. Нам таких строптивых не надо».

— Тяжелая была жизнь, страшная!

Каждый новый театральный сезон начинался с молебнов. На них приглашались все мепенаты («покровители искусств»), которые здесь же и

выбирали себе будущих содержанок.

Чтобы избежать постыдной роли содержанки, Мария Николаевна отказалась от своей молодости. Она перешла на роли старух. Это было верное средство избавиться от «ухаживаний». Мепенатам не интересно было брать на содержание актрис, игравших старух.

Так царская Россия с ее дикими нравами отняла у нее право на молодость. И поэтому Мариной не хотелось жить, не хотелось владеть жалкое гнетущее существование.

— Я все чаще и чаще задумывалась о смерти, — говорит Мария Николаевна. — Не было никакого смысла жить...

Но молодость не ушла безвозвратно. Она вернулась. Она припала к Марии Николаевне вместе с Октябрем.

После революции Мария Николаевна вместе с группой артистов Малого и Художественного Московских театров поехала на фронт, выступая там перед бойцами. Сцены устраивались прямо на лугу. Спектакли смотрели тысячи. Принимали актеров горячо и восторженно.

Затем Мария Николаевна приехала в Ярославль. Это было после белогвардейского мятежа. Город только-только начинал оправляться от жестоких ран, нанесенных ему контрреволюцией.

Приезжавшие в Ярославль артисты беспокоились:

— А будет ли кто ходить в театр?

Но беспокойства оказались напрасными. Холодный театр всегда был битком набит. Зрители сидели в шубах и шинелях, но это не мешало им горячо аплодировать и с восторгом детей восхищаться игрой.

И вот уже восемнадцать лет вы-

ступает Мария Николаевна перед советским зрителем («лучшим зрителем в мире», как говорит она). Молодо и ярко прошли эти годы. Они загладили обиды и горечи актерской жизни прошлого, когда по выражению известного старого артиста А. Ленского «театр растлевали разбойники всех категорий».

Полвека прошло на сцене у Марии Николаевны. Но только последние восемнадцать лет дороги ей. Они дали ей право на молодость, на счастливую жизнь.

А молодости и радостного задора в ней много. Она не отвечает от молодости. Свои роли она заучивает наизусть раньше всех. Занимаясь в кружке по истории партии, Мария Николаевна одна из немногих получила отметку «отлично».

За свою жизнь много ролей играла Мария Николаевна. Начиная с Чухи из «Петербургских трущоб», бабушки из Гончаровского «Обрыва» и кончая последними ролями Анфусы («Волки и овцы») и Марьи Тарасовны («Платон Кречет») — она всегда поражала своим мастерством большого художника, умением перевоплотиться в исполняемый ею образ.

И за это мастерство, за прекрасную, незабываемую игру, волнующую не одну сотню сердец, общественность Ярославля отмечает завтра пятидесятилетний юбилей нашей слаженной артистки — Марии Николаевны Мариной.

В этот день многие из зрителей — трудящихся города хотели бы горячо поздравить ее и сказать:

— Нет, вы «в свой семафор пошли», Мария Николаевна. Счастливая у вас дорога! Хорошая жизнь! Спасибо за вашу игру.

3 Северный рабочий

М. Н. МАРИНА.

Фото И. Тимошкина